

**«Письма из третьего заграничного
путешествия» Д.И.Фонвизина:
К вопросу о жанровом взаимодействии эпистолярной и
путевой литературы во второй половине XVIII века**

Во второй половине XVIII века в условиях функционирования системы литературно-эстетических регламентаций особую значимость приобретает мемуарно-автобиографическая, дневниковая, эпистолярная и путевая литература, представляющие авторам максимум свободы для литературного самовыражения и являющиеся «своеобразной литературной лабораторией, где добывалось то новое, что затем обогащало другие жанры» [Елизаветина 1982: 163].

Необходимым атрибутом повседневной жизни в России, позволяющим людям общаться на расстоянии с родными, друзьями, знакомыми, было письмо, которое, являясь в большей степени раскрепощенной формой общения, не связанной нормами делового этикета, способствовало развитию творческого начала. Характерной особенностью русской эпистолярной литературы обозначенного периода стало проникновение письма в жанр путешествия, в результате чего происходило формирование новой жанровой формы – эпистолярное путешествие [Логунова 1999: 5]. Ярким тому подтверждением являются *«Письма из третьего заграничного путешествия» Д.И. Фонвизина*.

В 1784–1785 гг. Д.И.Фонвизин путешествовал по Европе и довольно долго пробыл в Германии и Италии. Результатом этого стали письма к родным, к П.И.Панину. Их жанровая природа неоднозначна. Сам писатель определял произведение как «журнал», «письма», «записки», «дневная записка». Однако при рассмотрении структуры текста мы видим не просто оформление путевых записок в виде писем, что свойственно литературе путешествия рассматриваемого периода, а использование в одном сочинении двух разных элементов – собственно писем и путевого журнала, которые входят в «Письма» по принципу новелл в рамках одного произведения.

Повествование в «Письмах» ведется от первого лица, автора-повествователя, что характерно как для записок о путешествии, так и эпистолярная и усиливает субъективный, подчеркнуто личностный харак-

тер изложения. Композиционно текст условно делится на две части, которые объединяет фигура автора-повествователя.

В первой части собственно письма чередуются с фрагментами из путевого дневника (журнала). Автор обращается к родным, указывая точный адресат в тексте («Матушка, друг мой сердечный Федосья Ивановна, здравствуй!»), при этом включая в «Письма» текст путевого журнала, который он ведет во время путешествия, четко разграничивая, где эпистолярная часть, а где собственно журнал, его начало и окончание. Так, Д.И.Фонвизин начинает с письма, в котором кратко рассказывает о пути до Риги, вместе с тем сообщает, что решил вести путевой журнал, так как «тебе, матушка, все то интересно, что до нас принадлежит» [Фонвизин 1959, 2: 501]. Таким образом, устанавливает цель ведения путевых записок, которая совпадает с целеустановкой писем: общение с близким человеком через расстояние, в связи с чем оба структурных элемента имеют неофициальный, личный, дружеский статус. Далее письмо имеет традиционное окончание в форме прощания: «Вот, мой сердечный друг, все наше путешествие. Пожелай нам продолжать его так же благополучно, как начали. Прости! Всех наших друзей обнимаю от сердца. Княжне Катерине Семеновне прошу сказать почтение и желанно ей всякого благополучия» [Фонвизин 1959, 2: 501], после которого следует запись от 13/24 августа 1784 г., являющаяся началом путевого журнала. Однако фрагменты из журнала не обособлены от текста писем и связаны с ним на сюжетном и композиционном уровнях.

Так как Д.И.Фонвизин периодически отсылал записи из путевого журнала Федосье Ивановне, в самом тексте путевых записок есть указания на время их отправления по почте: «Продолжение моего журнала пришло к тебе на будущей почте, а теперь от писания рука устала» [Фонвизин 1959, 2: 503], – присутствуют элементы письма, в частности обращения к адресату (Федосье Ивановне), с целью придания им дружеского тона. Одновременно с этим путевой журнал мог выполнять роль самого письма, в этом случае автор включал в текст просьбы или дополнительную информацию о себе: «Итак, мой сердечный друг, войдите в наше состояние и пишите к нам регулярно; а мы, с нашей стороны, будем так часто к вам писать, как в первый наш вояж. К тебе же, матушка, буду писать большие письма, а ты их читай батюшке и всем нашим друзьям. Журнал наш, друг мой сердечный, нимало не интересен, и я его к тебе не сообщил бы, если б не знал, как все вы нас любите и как охотно будете читать об нас все то, что посторонним людям могло б очень наскучить» [Фонвизин 1959, 2: 502]. В каждой записи журнала есть отсылка на

отправленные письма Федосье Ивановне, и в письмах, и в журнале рассматриваются одни и те же темы, увиденные объекты во время путешествия, присутствует общий эмоциональный тон повествования, что еще раз подчеркивает их смысловое единство.

Окончание путевого журнала также имеет форму обращения к адресату, в котором автор одновременно подводит итог сделанной записи и сообщает о намеченных целях в дальнейшем пути, месте и времени написания следующей части журнала: «Сим заключаю теперь мой журнал. Жалею сердечно, что заставил вас прочитать целый лист скучных моих записок. Не дивись, матушка, что нет в них ничего достойного внимания. Продолжение журнала моего посылать к тебе буду исправно. Мне приятно, друг мой сердечный, с вами побеседовать, несмотря на то, что ничего сказать не имею. Хотя я от вас очень далеко и еду еще далее, но душа моя ни на минуту с вами не расстанется. Прошу бога, чтоб все вы, мои друзья, были здоровы. Завтра, или по кранной мере послезавтра, отсюда выедем *и писать к вам будем на будущей неделе или из Ниренберга, или из Аугсбурга, где случится остановиться*» [Фонвизин 1959, 2: 506-507]. В соответствии с приведенным фрагментом следующая запись журнала начинается в Ниренберге, 29 августа (9 сентября) 1784 г., в которой автор-повествователь указывает, что данная запись является продолжением предыдущей: «Итак, мой сердечный друг, я начну продолжать теперь дневную мою записку» [Фонвизин 1959, 2: 507].

В каждом отрывке из журнала писатель обозначает его начало и окончание с точным указанием даты и места создания данного фрагмента: 11/12 сентября 1784 г., Боцен (Начало фрагмента: «Теперь стану продолжать тебе, матушка, мой журнал, который кончился приездом нашим в Ниренберг», окончание: «Сим окончиваю журнал, который продолжать буду порядочно»); 5/16 октября 1784 г., Форенция (Начало: «Последний мой журнал кончился приездом нашим в Боцен»; окончание: «Сим окончиваю мой журнал, которого продолжение ты получишь в свое время»); 7/18 декабря 1784 г., Рим (Начало: «Пребывание наше во Флоренции, до приезда нашего в здешний город, будет занимать мой теперешний журнал»; окончание: «Здесь оканчиваю мой журнал»).

Начиная с записи от 1/12 февраля 1785 г., сделанной в Риме, начинается вторая часть и композиционная организация «Писем» меняется: отсутствует деление текста автором на письма и журнал. Теперь все путевые записи оформлены в виде писем, однако, исходя из контекста произведения, ясно, что журнал писателем ведется, и, возможно, его элементы прочитываются в письмах, например: «На будущей почте буду просить тебя

о доставлении письма моего к графу Петру Ивановичу, которое пришло к вам незапечатанное; в нем опишу журнал страстной недели» [Фонвизин 1959, 2: 540]; «Римского журнала моего не посылал я к вам для того, что он состоит в описании картин и статуй, что вас мало интересовать может ...» [Фонвизин 1959, 2: 544].

Несмотря на фрагментарность произведения, художественное время в повествовании не нарушает реального времени путешествия. Д.И.Фонвизин точно и последовательно фиксирует дату посещения того или иного топографа, иногда указывая и время: «Поутру 26 числа пристали позавтракать в Ниммерзат, к пребедному почтмейстеру, у которого, кроме дурного хлеба и горького масла, ничего не нашли. В 4 часа пополудни приехали в Мемель» [Фонвизин 1959, 2: 503]. Однако принцип «поденной записки», то есть ведения записей каждый день, в «Письмах» уступает место эпистолярной традиции, характеризующейся созданием текста по мере необходимости, в связи с чем промежуток времени между записями в журнале достаточно большой: от нескольких дней до нескольких недель. Так, запись в Боцене датируется 11/22 сентября 1784 г, а следующая за ней запись – от 11/22 ноября 1784 г. в Пизе. Сам автор-повествователь объясняет это следующим образом: «Пребывание наше во Флоренции, до приезда нашего в здешний город, будет занимать мой теперешний журнал. Излишне было б, матушка, наблюдать в нем прежний порядок, то есть писать по числам, как я прежде то делал. Один день так походит на другой, что различить их почти ничем невозможно» [Фонвизин 1959, 2: 512]. Таким образом, на композиционном уровне текста наблюдается жанровое взаимодействие путевой и эпистолярной литературы, характеризующееся определенной динамикой: от сопоставления в одном произведении двух разных жанровых форм – писем и путевого журнала до их слияния.

Вместе с тем хронологически и топографически «Письма» – не разрозненные фрагменты, а единый текст-путешествие, хотя и состоящий из разных элементов. Целостность «Писем» обусловлена наличием одного автора-повествователя, едиными критериями писательской работы и тематическим диапазоном. И путевой журнал, и эпистолярный дают образ действительности, пропущенной сквозь призму индивидуального восприятия, которое окрашивает в эмоции любой объект реальности, превращая его в факт индивидуальной частной жизни: «Тридцатого пробыли мы в Кенигсберге. Хотя я им и никогда не прельщался, однако в нынешний приезд показался он мне еще мрачнее. Весь день были без обеда, потому что есть было нечего. Я разозлился на почталионов; разболелась голова

мая, и я всю ночь ехал в жестоком пароксизме» [Фонвизин 1959, 2: 505]. Личность путешественника подчиняет себе эмпирический материал, определяя композицию и сюжетосложение текста.

Основу сюжета «Писем» составляет движение автора-повествователя в пространстве по линейному принципу. Вместе с тем в различных пространственных точках образуются пересечения смысловых линий, которые обеспечивают возможность возвращения к увиденному ранее, делают пространство эмоционально насыщенным. Освоение пространства автором-повествователем достигается не только физическим перемещением, но и вниманием к историческому, культурному и географическому универсуму. Такая пространственная структура повествования «становится основой для реализации его этической цели – формирования личности свободного, европейски образованного, открытого всем впечатлениям бытия и в то же время нравственно самодостаточного русского человека екатерининского времени» [Алпатова 2012: 26].

Очерковый пласт повествования «Писем» разнообразен и сообщает огромное количество фактических сведений и подробностей о людях, быте, искусстве, истории, культуре, социальной структуре и современном образе жизни стран Западной Европы. За год своего пребывания за границей Д.И.Фонвизин видел множество европейских городов: Рига, Лейпциг, Саксония, Митава, Мемель, Кенигсберг, Франкфурт, Ниренберг, Аугсбург, Боцен, Рим, Флоренция, Венеция, Вена, Милан, Баден; осмотрел европейские музеи, театры, галереи, церкви и т.д. Огромный материал личных впечатлений, восхищение произведениями искусства, размышления о жизни европейских стран, их законах государственного устройства, менталитетом — все это создало документальную основу «Писем» Д.И.Фонвизина, характерную для жанра путешествия.

Вместе с тем, стремление путешественника не просто рассказать, а выразить собственное «я», свой взгляд, чувства по отношению к тому или иному объекту или явлению, поделиться об этом с кем-либо более присуще эпистолярному жанру, имеющему ярко выраженную специфику: наличие в произведении автора и адресата, свободную композицию и наличие устойчивых композиционных элементов (даты, места написания письма, обращения к адресату в начале и в тексте письма, заверения в дружбе и уважении в конце послания), стилевое и тематическое разнообразие, индивидуальность автора. Именно желание писателей путешественников увидеть и запечатлеть увиденное для последующего прочтения, при этом не просто описать, а выделить актуальные проблемы современности и наметить пути их решения, представив свою точку зрения, стало одним

из факторов синтеза путевой и эпистолярной литературы в рамках одного сочинения.

Центральное место в сюжете «Писем» занимают сравнение европейской и русской жизни на уровне социально-экономическом, нравственном, бытовом, что составляет публицистико-философский аспект повествования. Очерковый, эмоциональный и публицистический пласты повествования соединены в «Письмах» причинно-следственной связью: все эти уровни повествования выражают принцип взаимоотношений субъекта повествования с окружающей его объективной реальностью.

Запечатление осмысленных фактов, впечатлений от путешествия в «Письмах» осуществляется Д.И. Фонвизиним с помощью ретроспективного, предполагающего отсроченную фиксацию событий, и селективного, заключающегося в отборе наиболее значимых событий, принципов организации повествования. Так, в записи от 17/28 августа 1784 г. писатель не рассказывает о пути из Петербурга до Ниренберга, а описывает только Лейпциг, так как он «первый город, который заслуживает примечание» [Фонвизин 1959, 2: 506], что свойственно эпистолярному и путевой литературе.

Таким образом, жанр светских путевых записок активней начинает функционировать в русле художественного метода, что отражается на способах изображения увиденного. Изменения жанрового содержания, отражающего широту охвата и отображения жизненных явлений, приводят к изменениям в жанровой форме «путешествий» – оформлению в виде эпистолярного. Д.И. Фонвизин, раскрывая традиционную для XVIII века тему отношения к Западу, воспользовался формой путевого письма, воплотив в нем исследовательский и публицистический материал, а также личные впечатления, обладающие огромной информационно-познавательной значимостью.

Литература

Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 2012.

Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм – М.: Наука, 1982.

Логунова Н.В. Эпистолярный жанр в русской литературе второй половины XVIII – первой трети XIX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1999.

Фонвизин Д.И. Письма из третьего заграничного путешествия (1784 – 1785) // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2-х т. – Т. II. – М. – Л., 1959. – С. 500–559.